Как французская компартия договаривалась с Гитлером

Танцы на улицах Парижа, 1930-е

В конце августа 1939 года, через несколько дней после подписания советско-немецкого пакта, бывшая участница труппы «Комеди Франсез» Элен Пердриер обедала с двумя друзьями в ресторане. «Мы мрачно обсуждали события, когда за соседний столик уселась группа людей во главе с активно жестикулировавшим невысоким мужчиной. Судя по всему, новости из Москвы привели их в эйфорию. Все смеялись и громко разговаривали. Мужчина заказал шампанское. «Кто это?», — спросила я у друзей. «Это Жак Дюкло» (в те годы главный идеолог Французской компартии, в 1969-м — кандидат в президенты от ФКП).

Актриса встала из-за стола, подошла к нему, подняла руку со сжатым кулаком и воскликнула: «Хайль Сталин!» Разъяренный Дюкло отвесил ей пощечину. Началась всеобщая потасовка. Вмешалась полиция. Элен подала заявление, но оно ни к чему не привело.

На первых порах 25 парламентариев-коммунистов из 76 даже разорвали связи с партией. Но остальным потребовалось меньше недели на то, чтобы «переварить» пакт Молотова-Риббентропа. После нескольких дней колебаний коммунистическая партия Франции последовала указаниям Коминтерна, который обязал все братские партии выполнять принятые Москвой решения.

Поэтому не могло быть и речи о продолжении идеологической борьбы с Гитлером, некогда смертельным врагом. «Разделение капиталистических государств на фашистские и демократические в настоящий момент не имеет значения», — объяснил Коминтерн своему французскому сателлиту. Его глава Морис Торез отправил партийному руководству письмо со следующими указаниями: «Ленин учил нас, что колебания недопустимы, когда …в интересах народа необходимо стать союзником даже самого дьявола (…). Тот, кто не понимает этого, не может быть революционером». Единственная цель, как он представил ее 19 ноября 1939 года (к тому времени Франция и Великобритания уже находились в состоянии войны с Германией, — прим. ред.), заключалась в «сопротивлении французскому империализму и его правительству».

Морис Торез

Жак Дюкло

Французская компартия против Франции

Хотя французская компартия была вскоре распущена за «сговор с врагом», а 33 ее депутата арестованы, она ушла в подполье, продолжив борьбу против своей страны. 1 октября ее парламентская фракция (которую переименовали в «рабоче-крестьянскую») обратилась к спикеру нижней палаты Эдуарду Эррио в напрасной попытке убедить его созвать депутатов для обсуждения предложений о «справедливом и устойчивом мире» Франции с гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом.

Ничто не могло заставить партию отказаться от этого курса. Даже вступление немецких войск в Париж 14 июня 1940 года. Даже направленные Молотовым Гитлеру три дня спустя поздравления от советского правительства в связи с «блестящим успехом Вермахта». По всей стране продолжали появляться листовки и афиши с призывом вести борьбу с тем же противником — «французским империализмом».

«Пока империалисты ведут смертельную борьбу, Советский Союз Ленина и Сталина проводит умную политику мира и нейтралитета, которая позволяет ему остаться в стороне от конфликта, — гласила одна такая афиша. — Советская политика мира соответствует пожеланиям французского народа. Поэтому Франция должна быть другом Советского Союза. Долой капиталистический режим, который плодит нищету и войну. Да здравствует СССР! Да здравствует Сталин!»

Фюрер со своими генералами на фоне Эйфелевой башни, 1940. Фото: Bundesarchiv

Сговор ФКП с оккупантами

За 22 месяца с подписания германо-советского пакта до немецкого нападения на СССР в июне 1941-го ни один документ ФКП не был направлен против Гитлера и его армии. Как раз наоборот. «Французские солдаты! Немецкие рабочие — не ваши враги. Братайтесь, братайтесь!» — призывала одна листовка. «Немецкие солдаты — ваши братья, договаривайтесь с ними. Ваш враг — крупный капитал, тресты Франции, Англии, Америки!», — утверждала другая. «Враг находится не по ту сторону линии Зигфрида, а внутри нашей страны», — уверяла третья. Министр иностранных дел Рейха Риббентроп как-то сказал удивившемуся такому обилию коммунистической пропаганды Муссолини: «Знаете, Дуче, некоторые печатаются в Германии…».

Не оставалась в стороне и газета «Юманите», официального возвращения которой напрасно пыталась добиться компартия (немцы были согласны, но правительство Виши категорически возражало): «Французские трудящиеся и немецкие солдаты. Отрадно видеть, что в это тяжелое время многие парижане дружески беседуют с немецкими солдатами на улице или в бистро, — гласит подпольный выпуск от 4 июля 1940 года. — Браво, товарищи, продолжайте, пусть это и не по душе некоторым глупым и вредоносным буржуям».

В декабре 1940 года семь депутатов-коммунистов написали из камер (их отправили за решетку после роспуска ФКП французским правительством) маршалу Петену с предложением выступить в качестве свидетелей обвинения на процессе, который французское государство собиралось устроить над «ответственными за поражение», в частности Леоном Блюмом, Эдуардом Даладье и генералом Морисом Гамеленом.

Леон Блюм в своем кабинете, 1936

Леон Блюм (первый еврей главе французского правительства), бывший союзник коммунистов в период Народного фронта, стал объектом невероятно яростных нападок с примесью антисемитизма. «Отвратительная ящерица, которая трясется за свои привилегии», — отозвался о нем Морис Торез в феврале 1940 года.

В течение всего этого периода партийное руководство не предпринимало никаких усилий для борьбы с нацистами, если не считать нескольких происшествий. Тем более что нашедший прибежище в СССР Морис Торез при любом случае приветствовал «взаимопонимание» с Гитлером. «По нашему мнению, в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии», — заявил Молотов на заседании Верховного совета 1 августа 1940 года. 28 сентября он принял в Москве Риббентропа под звуки «Интернационала» и «Песни Хорста Весселя» (гимн НСДАП) в знак укрепления пакта, который в конечном итоге развалился исключительно по воле Гитлера.

Французская компартия была неразрывно связана с СССР и его немецкими союзниками, поэтому дошла до того, что приветствовала подписание в сентябре 1940 года трехстороннего договора Германии, Италии и Японии. Как отметила «Юманите», «настоящее соглашение никоим образом не посягает на существующий политический статус каждой из трех сторон и советской России», что является «красноречивым свидетельством престижа, авторитета и небывало выросшей силы Страны Советов».

Здание Национальной Ассамблеи, Париж. На фасаде: «Германия победит на всех фронтах». Фото: Bundesarchiv

В то же самое время она язвила насчет «воинственного» поведения США, которые собирались вступить в войну для освобождения Франции. «Держава, которая скрывается за стальным панцирем на другом берегу Атлантики (…) воплощает в себе всемогущество трестов, самую развитую власть капитализма. Диктатура нескольких олигархических семей спускается на арену войны…».

Переход в сопротивление из-за верности СССР

Все изменилось после неожиданного нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года. «В текущих условиях действия коммунистов ничем не отличаются от действий других патриотов», — гласила новая партийная доктрина. За один день де Голль превратился из «реакционера» и «противника демократии», стремившегося «полностью лишить нашу страну свободы», в союзника по Сопротивлению.

Как писал Леон Блюм, эти кульбиты компартии с начала и до конца войны «осуществлялись без каких-либо объяснений, если не считать приходивших из Москвы распоряжений, связанных лишь с переменой советской политики. Так, стало очевидно, что вектор действий французской компартии не определялся ей самой, а навязывался извне. Она слепо подчинялась приказам (...) государства, менявшим их в зависимости от собственных национальных интересов». По его словам, французская компартия была не «интернационалистической партией, а иностранной националистической партией».

Как бы то ни было, все это не помешало ей накопить «сопротивленческий» багаж, который помог стереть из памяти прошлый коллаборационизм, войти во временное правительство де Голля и оставаться одной из самых влиятельных французских партий вплоть до начала 1980-х годов. На муниципальных выборах 1977 года она даже смогла одержать победу в 1 500 коммунах. Тем не менее, до самого конца ФКП сохраняла верность кремлевским хозяевам.

Арно Фольш, Valeurs actuelles (Франция)